

Едва голос затих, как из леса хлынула целая толпа людей. Натянутые луки, оцетинившись оперенными стрелами, разом нацелились на Чжао Юня и его спутников.

Стоило отдать приказ, и толпа, зажата у самого берега реки, в считанные секунды превратилась бы в решето, точно так же, как та несчастная лошадь.

В этот момент один из лежавших на земле людей с трудом поднялся, его красивые брови слегка нахмурились, и он тихо произнес:

— Это же невеста главко... — Го Цзя вовремя оборвал себя на полуслове, проглотив последнюю часть слова.

Главко...

Слово, сорвавшееся с его губ — главком!

Го Цзя побледнел и отшатнулся на пару шагов. В мыслях царил полный хаос, ноги подкосились, и он уже собирался рухнуть на землю, но кто-то сзади вовремя и крепко подхватил его.

Этот человек хриплым голосом спросил:

— Фэнсяо, кто этот главком?

— Пустите стрелы!

Противник издевательски выкрикнул приказ, словно забавляясь и пытаясь поизмываться над ними — точно кошка, которая перед тем как прикончить мышь, непременно хочет вдоволь наиграться.

В тот момент Гунсунь Юэ и остальные чувствовали себя пойманными в ловушку грызунами, с которыми эти двуногие коты с оружием в руках могли расправиться в любую удобную минуту.

— Генерал, сейчас у нас есть лишь один выход, — отводя в сторону летящие стрелы, проговорил Чжао Юнь, приближаясь к нему.

Среди бушующих, вздымающихся волн то тут, то там мелькали человеческие головы.

Когда отступать было уже некуда, Чжао Юнь одной рукой прижал к себе Го Цзя, а другой со всего маху пнул Гунсунь Юэ прямо в бурный поток.

Тех, кого кружило и швыряло на волнах, в конце концов благополучно вынесло на пологое речное русло, вот только каждый успел наглотаться речной воды до самого живорта.

Выбравшись на берег, они переглянулись, окинув взглядом жалкий вид друг друга, и на их лицах вместо отчаяния проступило выражение облегчения.

— Чжао Цзилун, какого черта ты до сих пор таскаешь этого малого? Сдох бы он один — и поделом.

С самого момента прибытия в лагерь Юань Шу Гунсунь Юэ копил обиду за обидой и теперь выплеснул наружу всю накопившуюся злость. Чжао Юнь уже несколько раз пытался бросить его на произвол судьбы, а теперь продолжал нянчиться с каким-то никчемным чиновником, чья жизнь и гроша ломаного не стоила.

Человек на его руках пришел в себя, оттолкнул руку Чжао Юня, опустил голову и молча отошел в сторону, затерявшись среди горстки уцелевших солдат.

Чжао Юнь бросил на него взгляд, глубоко вздохнул, подошел к Гунсунь Юэ и произнес:

— Это упущение Чжао. Прошу генерала наказать меня.

Долгое время не было никакого ответа. Когда Чжао Юнь снова поднял глаза, то увидел, что Гунсунь Юэ смотрит перед собой пустым, остекленевшим взглядом, прижав руку к груди, из-под пальцев которой сочилась густая кровь.

— Генерал! — с криком ужаса Чжао Юнь бросился вперед и подхватил падающего Гунсунь Юэ.

Отряд помчался во весь опор в уезд Цзи, но в итоге Гунсунь Юэ все равно скончался в пути, не доехав до уезда Цзи каких-то два дня.

С одной стороны, Чжао Юнь приказал заняться похоронами, с другой — приказал снизить темп движения. В ту пору его терзали смутные и тяжелые сомнения.

Гунсунь Цзань отправил Гунсунь Юэ сближаться с Юань Шу вовсе не оттого, что боялся мести последнего — в конце концов, отговаривая Лю Юя, Гунсунь Цзань прямо заявлял, что Юань Гунлу вынашивает замыслы о предательстве, просто тогда Лю Юй не пожелал его слушать.

Получив отказ у Лю Юя, Гунсунь Цзань закономерно решил переметнуться и заискивать перед Юань Шу. Именно поэтому Гунсунь Юэ явился в лагерь Юань Шу и заодно подкинул тому идею: раз уж действовать, так до конца, и попросту взять в заложники сына Лю Юя вместе с его войском.

Однако Гунсунь Цзань просчитал лишь первый шаг, но не второй.

Юань Шу жаждал заполучить не только войска Лю Юя, но и людей самого Гунсунь Цзаня и Юань Шао.

Как жаль Гунсунь Юэ — в конце концов он неминуемо превратился в пушечное мясо.

И чего Чжао Юнь никак не мог ожидать, так это того, что, даже чудом выбравшись из лагеря Юань Шу, Гунсунь Юэ все равно не избежал уготованной ему гибели от чужих интриг.

Чжао Юнь не верил, что Лэй Бо отпустил их по доброй воле — даже если у Сунь Цзяня были какие-то иные планы, подобное освобождение произошло бы не так быстро.

А раз так...

Чжао Юнь вспомнил слова Го Цзя о некоем главкоме и понимал: тот, кого имел в виду этот человек, определенно не был Гунсунь Цзанем.

Городские ворота уезда Цзи уже показались впереди. Чжао Юнь заранее отправил человека в город, чтобы доложить Гунсунь Цзаню.

Го Цзя вел коней, замыкая шествие, и молча плелся позади со своим скакуном.

После того дня они с Чжао Юнем словно чужие отдалились друг от друга. Чжао Юнь всю дорогу был как на иголках, разрываясь между заботами о теле Гунсунь Юэ, а сам Го Цзя, подобно остальным воинам из отряда личной стражи, вставал с рассветом и ложился затемно.

По вечерам в палатке Чжао Юня для него по-прежнему исправно растапливали жаровню, но сам он с тех пор больше ни разу не переступил порог этого шатра.

Палатка Го Цзя казалась куда теплее остальных, но сколь ни толстыми были бы одеяла, по ночам стоял такой холод, что он неизменно сживался в комок и дрожал всем телом.

У городских ворот внезапно поднялся шум. Первым показался спешащий к ним Гунсунь Цзань: его лицо перекосила ярость, в глазах полыхал огонь, а в руке со свистом рассекал воздух длинный хлыст.

Хлесь!

Мощный удар пришелся прямо по плечу Чжао Юня. Тот слегка качнулся, но тут же упрямо выпрямил спину.

Гунсунь Цзань взревел от бешенства:

— Чжао Цзилун! Что я приказывал тебе перед отправлением?! Даже если бы ты погиб, ты должен был привезти его живым! И что же теперь?! Сам стоишь тут целым и невредимым, а вперед ногами выносят его! Чжао Цзилун, у тебя хватило наглости вернуться сюда?!

Чжао Юнь смахнул полы одежды и опустился на колени:

— Подчиненный не смог защитить генерала Гунсуня и готов понести любое наказание.

Стоило ему опуститься на колени, как Го Цзя в хвосте отряда невольно сжал руки в кулаки.

— Наказание? Наказание! Ха! Отправить тебя в могилу вслед за ним, как тебе такое? — Гунсунь Цзань искоса бросил свирепый взгляд на израненных воинов, стоявших за спиной Чжао Юня — жалкие остатки разбитого отряда, каждый из которых еле волочил ноги.

Гунсунь Цзань приказал:

— Иди получи свои палочные удары, а остальные... за то, что плохо защищали господина — обезглавить!

Го Цзя поднял голову и прищуренными глазами посмотрел на плывущие по небу облака, которые в одно мгновение меняли свои очертания.

Чжао Юнь стоял на одном колене перед воротами усадьбы наместника. Проходившие мимо люди сторонились его так, будто он был заражен чумой, и делали большой крюк.

Только что небо было ясным и безоблачным, как вдруг заморосил мелкий дождь.

Получив наказание палками, Чжао Юнь сразу же направился сюда. Распорядитель казней ждал назначенного часа, а он ждал, пока Гунсунь Цзань сменит гнев на милость.

Дождь внезапно прекратился. Чжао Юнь обернулся и увидел стоящую рядом девушку с сияющей улыбкой — она держала над ним масляный зонт, укрывая от непогоды.

— Цзилун, идет дождь, возвращайся домой, — уговаривала его Гунсунь Вань.

Чжао Юнь лишь бросил на нее мимолетный взгляд и остался неподвижно стоять на коленях.

Гунсунь Вань толкнула его в плечо:

— Чжао Цзилун, даже если ты здесь до смерти на коленях прстоишь, толку не будет. Отец не изменит своего решения.

Чжао Юнь оставил ее слова без внимания.

Поворчав на него еще немного, Гунсунь Вань постояла рядом с минуту, но все же не выдержала холодного ветра и сырости.

— Раз хочется стоять на коленях — стой сколько влезет!

Девушка сплюнула, зло бросила зонт на землю и со всех ног побежала к дому.

В тот же миг из-за угла улицы скользнула белая, словно лунный свет, фигура, в руке которой, кажется, тоже был зонт.

Этот бесконечный, морозящий дождь словно испытывал Чжао Юня на прочность: то усиливаясь, то затихая, сырой и злой холод пробирался сквозь чашечки колен в самое тело, словно мелкие острые лезвия, въедаясь в плоть и кости.

Чжао Юнь тяжело вздохнул, будто пытаясь вытолкнуть этот пронизывающий холод наружу.

Скрип.

Дверь отворилась, и на пороге показался человек. На его лице на миг промелькнуло сложное выражение, сменившееся затем напускным удивлением.

— Ой? Цзилун, ты до сих пор здесь?

— Шици, скажи, не соизволит ли главком принять меня? — спросил Чжао Юнь.

Гуань Цзин замер. Когда он шел сюда, Чжао Юнь действительно просил его передать слова Гунсунь Цзаню, но он же не дурак — разделять упрямый и прямолинейный нрав Чжао Юня он не собирался.

Гунсунь Цзань сейчас был в ярости, а у Гуань Цзина еще не развилось суицидальное бесстрашие, чтобы подставлять шею под меч.

Какое ему дело до каких-то рядовых чиновников?

Гуань Цзин кашлянул два раза:

— Цзилун, я долго уговаривал главком, но он непреклонен, переубедить его невозможно. — Он сделал паузу. — Цзилун, послушай моего совета, ступай лучше на казнь, устрой все как положено для тех братьев. Сейчас как раз должно подойти время.

Чжао Юнь в ужасе поднял голову, его лицо вмиг побелело как полотно.

Дождь смывал с мостовой следы крови, а в воздухе все еще висел слабый запах бойни.

Стоя под зонтом, Го Цзя смотрел, как безжизненные тела уносят прочь. Его пустые глаза казались настолько опустошенными, будто вместе с мертвецами из них вытравили саму жизнь.

Позади посмертно раздались шаги, и Го Цзя тихо произнес:

— Таков уж этот Гунсунь Цзань.

Чжао Юнь подошел ближе; каждое его дыхание звучало тяжело и надрывно.

Целый месяц Сюй Лу уже собирался силой утащить Чэн И прочь, и лишь благодаря упорству Чэн И они задержались еще на несколько дней.

В тот день, вернувшись назад, Чжао Юнь слег с сильнейшей лихорадкой.

Тут наложилось все: и побег из лагеря Юань Шу, и засада на дороге, и незаслуженная расправа сразу по прибытии в уезд Цзи, и долгие часы под холодным дождем, но хуже всего было терзание совести.

Он собственными глазами видел, как солдаты, чудом избежавшие смерти в лагере врага, погибли от мечей собственных сородичей.

Истощение было и душевным, и телесным.

В ту ночь, бредя в жару, Чжао Юнь то ли осознанно, то ли случайно перехватил руку Го Цзя и прижал к своей ладони. В его горячей руке оказались холодные пальцы Го Цзя.

С закрытыми глазами он бессвязно бормотал, спрашивая, кто же этот главком.

За шелковыми пологам палатки рождался тихий шепот.

Фэнсяо, кто же ты в конце концов такой?

Почему мне кажется, будто мы знакомы?

Так давно знакомы...

Словно этой жизни не хватит...

Рука Го Цзя, которую сжимал Чжао Юнь, становилась все горячее, и это тепло, расплываясь от ладони, вмиг окрасило румянцем его лицо.

Его взгляд, мягкий как вода, казался написанным тушью: строка за строкой он беззвучно вырисовывал мужественные черты лица Чжао Юня.

На третий год правления Чупин снег начал понемногу таять.

То, чего Сюй Лу так опасался всю эту зиму, в итоге так и не произошло.

Четвертая госпожа из дома Гунсунь по-прежнему то и дело появлялась в усадьбе Чжао, однако о свадьбе больше не заикалась — она просто властно таскала Чжао Юня повсюду за собой.

В один из дней Сюй Лу украдкой спросил Го Цзя:

— Четвертая госпожа что, потеряла память?

Го Цзя усмехнулся и щелкнул его по лбу:

— Это у Гунсунь Цзяня амнезия.

Бормоча себе под нос, Го Цзя удалился.

— Пришла весна, на реке Паньхэ снег тоже должен растаять.

Сюй Лу растерянно замер посреди двора. На старом персиковом дереве уже пробивались лучики предвесеннего солнца, и ему почему-то показалось, будто он разглядел крошечные зеленые побеги.

Сюй Лу потер глаза, мохнул головой и подумал, что ему, должно быть, просто мерещится.

Чжао Юнь доставил Гунсунь Вань до самых ворот ее особняка, но девушка наотрез отказалась заходить внутрь, упершись прямо у входа.

Ее глаза внезапно покраснели, на ресницах заблестели слезы, и она, глядя на Чжао Юня затуманенным взором, всхлипнула:

— Цзилун, мой отец... он... он сказал... что мне больше нельзя даже думать... о том, чтобы выйти за тебя... ууу...

В душе Чжао Юнь даже испытал тайное облегчение, но видя залитую слезами девушку перед собой, был вынужден подавить эти мысли и заговорить примирительным тоном:

— Я всего лишь вояка, а у четвертой госпожи должно быть будущее получше.

Лучше бы он молчал — после этих слов Гунсунь Вань расплакалась только сильнее.

Как ни уговаривал ее Чжао Юнь, слезы лились непрекращающимся потоком, и бедный воин едва не сошел с ума от растерянности.

Вернувшись домой с промокшими насквозь плечами, Чжао Юнь тут же угодил в окружение — Чэн И и Сюй Лу тут же подскочили к нему и принялись кружить вокруг.

Чэн И: Братец Чжао, ты разбил женское сердце...

Сюй Лу: Братец Чжао, господин говорит, что твой цветок персика... завял.

Чжао Юнь приподнял брови, заметив вдалеке неторопливо приближающуюся фигуру, и неожиданно улыбнулся:

— А не говорил ли господин, когда поможет мне вырастить новое дерево?

Сюй Лу озадаченно моргнул:

— Вырастить что?

Подойдя к ним, Го Цзя слегка улыбнулся:

— Цзилун так сильно жаждет чужих сердец?

— Если это дерево посадит Фэнсяо, я с радостью соглашусь.

Го Цзя невольно рассмеялся.

Падающие лучи солнца вырисовывали на каменных плитах вытянутые силуэты двоих людей. Стоящие чуть в стороне друг от друга, в тени они казались стоящими плечом к плечу. Их тени сливались воедино, словно соединенные руки.

Подперев рукой лоб, Го Цзя со вздохом произнес:

— Цзилун, в этой битве тебе нужно быть осторожнее.

Чжао Юнь шагнул вперед и на этот раз по-настоящему крепко взял его за руку.

— Хорошо.

<http://bllate.org/book/19191/1884808>